

ГЛОБАЛИСТИКА И ФУТУРОЛОГИЯ

В ОНС № 6 за 1998 год опубликована статья российско-американского социолога А. Янова «От "патриотизма" к национальному самоуничтожению». По просьбе автора наша редакция обратилась к известному ученому профессору А.С. Панарину с предложением прокомментировать высказанные соображения по поводу российского патриотизма. Таким образом, настоящая статья представляет собой косвенный ответ на предыдущую публикацию.

А.С. ПАНАРИН

"Имперская республика" на пути к мировому господству

Американский глобальный вызов

Известный французский политолог Р. Арон назвал США "имперской республикой". Такое определение противоречит стереотипам современного либерализма как нового "великого учения": считается, что демократия исключает имперские амбиции и сопутствующий им милитаристский настрой. Демократия вооружается только в ответ на внешнюю угрозу и возвращается к своему "естественному пацифизму", как только данная угроза исчезает. Однако сегодня видно, что исчезновение СССР и устранение реальной внешней угрозы не побудило Америку разоружаться; напротив, ею спешно предпринимаются меры по превращению своей мощи в поистине глобальную. Можно предложить несколько объяснений этому парадоксу.

Первое связано с идеологией, заложенной в культуре США еще отцами-основателями. Речь идет о ярко выраженной мессианской претензии. Американцы верили, что Бог, "...повергнув перед нашими глазами все другие церкви, оставил Америку для тех, кого он наметил избавить от своей всеобщей кары, так же как он однажды послал ковчег для спасения Ноя. Эта новая земля наверняка составная часть, возможно, и наивысшее проявление истории спасения. Америка - реальное воплощение божественного пророчества" [1]. Один из основателей американского романтизма Г. Мелвил писал: "Мы, американцы, особые, избранные люди, мы - Израиль нового времени, мы несем ковчег свобод миру... Остальные нации должны вскоре оказаться позади нас" [1, с. 30].

Архетип избранничества и мессианства, заложенный в основании американской политической культуры, свидетельствует, что она причудливым образом сочетает черты

П а н а р и н Александр Сергеевич - доктор философских наук, заведующий кафедрой политологии философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, директор Центра социальных исследований Института философии РАН.

демократии и теократии, секуляризированного прагматизма и протестантского фундаментализма. Недавно завершившееся "дело Клинтона" лишний раз это подтверждает. Морализаторское неистовство инициаторов импичмента было бы просто немислимым в стране, последовательно исповедующей светские принципы, требующие решительного ограничения нравственно-религиозной цензуры в политике.

Если нация верит в свою священную миссию в мире и при этом обладает достаточным материальным потенциалом, то ее глобальные претензии вряд ли удастся игнорировать.

Второе объяснение связано с последствиями победы в "холодной войне" и задачами послевоенного управления миром. Получается так, что крушение СССР и исчезновение биполярной структуры мира означает, что США берутся нести в одиночку бремя мировой гегемонии, которое прежде ложилось на две сверхдержавы. Исчезновение одной из них требует от оставшейся удвоения усилий по наведению "тотального порядка" в мире.

Третье объяснение связано с доктриной глобального мира, формируемой "либеральным интернационалом" взамен концепции мировой революции, некогда сформулированной коммунистическим Интернационалом. Новая либеральная идеология утверждает, что в современном мире национальные суверенитеты и границы устарели и играют в основном реакционную роль, препятствуя свободному экономическому, социокультурному и информационному обмену и механизмам глобальной рыночной конкуренции, конечное назначение которых - отдать нашу планету в руки "лучших", наиболее развитых, инициативных и "приспособленных". Если это так, то всемирная экспансия США, с одной стороны, соответствует новейшим тенденциям повсеместной глобализации, а с другой — сама является мощным катализатором последней. Имперская энергетика победителя в "холодной войне" оказывается орудием процесса глобализации давно уже ожидаемого просвещенной диаспорой "граждан мира", которым наскучили национальные границы, суверенитеты, патриотизм и прочие реликты "агрессивного традиционализма".

Перечисленные объяснения, как бы к ним ни относиться, указывают на несомненный факт *развертывающейся имперской экспансии США*, что в корне противоречит пацифистским ожиданиям периода перестройки, когда окончание "холодной войны" понималось как устранение последнего препятствия на пути нового, демократического мирового порядка и вселенской стабильности. Люди, долго и с нетерпением ожидавшие конца конфронтации, неожиданно для себя оказались не в мире демократического полицентризма, с присущими ему гарантиями порядка и справедливости, а в мире, где обещанный "стратегический партнер", носитель либеральной идеи, неожиданно явил черты агрессора, все более открыто выступающего с претензиями на безусловное мировое господство.

Главный стратегический вопрос, ответ на который определяет всю атмосферу нашей эпохи и ее политические перспективы, касается того, кто же победил в "холодной войне" - все народы, находящиеся по ту и по эту сторону "железного занавеса", или победителем выступает одна сторона, надеющаяся извлечь максимальные преимущества из этой победы.

Еще вчера многие из нас верили в первый вариант ответа, сегодня всем уже ясно, что действительность соответствует второму варианту. И теперь мы стоим перед новым вопросом: удовлетворится ли победитель тем, что он уже получил, или, как это свойственно многим победителям, состояние эйфории и сознание того, что подобный шанс больше не представится, будут толкать его на новые авантюры?

Сегодня США уже имеют свой "Мюнхен" - уступки, превосходящие самые дерзкие ожидания. Удовлетворятся ли они этим или, как и предшествующий претендент на мировое господство, переступивший роковую черту 1 сентября 1939 года, пойдут дальше и так же ее переступят?

Российская политическая элита, пошедшая на одностороннее разоружение во имя "стратегического партнерства" с США и сегодня оставшаяся у разбитого корыта,

предпочитает верить в наступление нового статус-кво. С одной стороны, к этому ее толкает новая либеральная идеология, запрещающая какие бы то ни было "милитаристские реакции" на получаемый вызов, с другой - внезапное осознание слабости и безразличия России.

Вернемся к главному вопросу нашей статьи: достиг ли мир статус-кво или ему предстоит потрясения, связанные уже не с давлением прежних факторов - рудиментов тоталитарной этики, а с провоцирующим действием новых, связанных с издержками "демократической" эпохи? С этой целью попытаемся дать анализ ведущих доктрин эпохи, взятых на вооружение организаторами нового миропорядка.

Стратегия его построения единственной сверхдержавой-гегемоном базируется на следующих основных постулатах: однополярности, глобализма, вестернизации (американизации) культуры и образа жизни, либертариизма (всемирной ликвидации социального государства как прибежища слабых и неприспособленных).

Рассмотрим каждый из них на предмет того, годятся ли эти принципы на роль факторов, стабилизирующих мир, или им суждено сыграть совсем другую роль в ближайшем будущем.

1. Постулат однополярности. Этот концепт уже приобрел характер стереотипа, и о его реальном содержании многие предпочитают не задумываться. Между тем он стоит того, чтобы его содержание было раскрыто (эксплицировано). Однополярный мир означает, что на планете существует лишь одна держава, выполняющая роль "звезды"; всем остальным предстоит играть роль сателлитов. Иными словами, концепция однополярности при ее последовательном претворении в жизнь *исключает существование крупных суверенных держав на нашей планете*. Они несовместимы с миром, управляемым из единого имперского центра. Чтобы на этот счет ни у кого не возникало сомнений, отметим следующий факт: обозначилась явная тенденция подмены международных организаций универсального характера - ООН, Совета безопасности, ОБСЕ - чисто "блоковыми" структурами, задействованными в период "холодной войны" и теперь используемыми как инструмент давления на "побежденных".

Мы должны оценить беспрецедентность геополитической авантюры США. Речь идет не о том, чтобы использовать в Евразии британскую модель отношений с континентом: препятствовать образованию коалиций, превышающих мощь морской державы, и поддерживать геополитический плюрализм, исключая господство какой-либо одной державы. США в Евразии преследуют более экстравагантную и захватывающую цель: самим *безраздельно господствовать* на этом континенте. Но это означает, что современный период является переходным и что усилия, связанные с демонтажом России как центра постсоветского пространства, - всего лишь начало необъявленной мировой войны за вселенское господство.

В этом случае следующей мишенью "мирового гегемона" станет Китай, против которого, вероятнее всего, будут применены уже апробированные в борьбе с СССР технологии дестабилизации: подкуп элит, поощрение этносуверенитетов (ибо Китай так же многонационален), противопоставление вестернизированного "центра" - прибрежной "свободной торговой зоны" - отсталой континентальной "периферии" и, наконец, разрушение цивилизационной идентичности Китая с помощью агрессии "либерализированных" СМИ. Один из представителей стратегических мозговых трестов США - "РЭНД корпорейшн" К. Лейн отмечает: "Внутри стратегического сообщества США существует группа, которая полагает, что Соединенные Штаты должны предотвратить превращение Китая в мировую державу, стимулируя внутренние противоречия, и, если это не поможет, прибегнуть к превентивной войне" (цит. по [2]).

Опасность соскальзывания мира в Четвертую мировую войну, в которую, по-видимому, уже перерастает едва успевшая окончиться "холодная (Третья мировая) война", усугубляется тем, что высота соответствующего барьера сегодня несравненно ниже, чем на пути прежних войн. Даже А. Гитлер, нападая в 1939 году на Польшу, надеялся, что остальной мир и это допустит, не дав ответа на вызов. Но начавшаяся *Четвертая* мировая война ведется (по крайней мере на первых порах) нетрадицион-

ными средствами, с использованием "тонких технологий" поражения противника, разрушительное действие которых подобно воздействию альфа- и бета-лучей организм на уровне привычных болевых реакций не фиксирует.

Но вот вопрос: удастся ли заманить Китай в ловушку "демократизации, модернизации и американизации" после того, как он уже имеет перед собой печальный пример поверженного СССР и безжалостно добываемой своим "стратегическим партнером" России? И если "тонкие технологии" не срабатывают, предпочтет ли агрессор уняться и отступить или рискнет прибегнуть к использованию "более жестких" технологий? Сегодня его стратегия состоит в том, чтобы соблазнить Китай, так же как и другие крупные страны континента, возможностями разделить плоды американской победы в Евразии и тем самым избежать угрозы антиамериканской коалиции. Германию американцы привлекают новыми перспективами, открывшимися в Восточной Европе (все чаще называемой теперь "Центральной"), Турцию - экспансией в южную и юго-восточную часть постсоветского пространства, Китай - переделом российского пространства в Сибири и на Дальнем Востоке, которые З. Бжезинский определяет как регион, в котором слабое государство (Россия) готово платить определенную мзду с учетом интересов, позиций и ожидаемой ответной реакции доминирующей там державы (Китая) [3].

Сравним эту стратегию мирового гегемона, сочетающего разгром одних стран с соблазнением других поучаствовать в разделе добытого имущества, с аналогичной стратегией гитлеровской Германии. Вот что предлагал Гитлер главе советской делегации, прибывшей в Берлин в ноябре 1940 года: "После завоевания Англии Британская империя станет крупнейшим в мире обанкротившимся имением. И внутри этих обанкротившихся владений для России найдется доступ к незамерзающему и по-настоящему открытому океану... Все страны, которые заинтересованы в имуществе банкрота, должны прекратить свои споры друг с другом и заняться исключительно решением судьбы Британской империи" (цит. по [4, с. 312]).

Как видим, стратегия претендентов на мировое господство не изменилась: она состоит в том, чтобы не допускать солидарности стран, являющихся жертвами гегемонистской политики и, осаждая каждую из них по очереди, на время превращать остальных в заинтересованных наблюдателей или даже пособников агрессии.

Аналитики, сохраняющие восприимчивость к штампам либеральной пропаганды, склонны считать, что состояние однополярности уже достигнуто, и поскольку на этот раз в роли гегемона выступает не тоталитарная, а демократическая страна, то данный вариант следует считать приемлемым и постепенно приспосабливать к нему свое мышление и поведение.

Я принадлежу к тем, кто считает, во-первых, что однополярный мир - это *вообще недостижимая* цель, ориентация на которую означает неслыханный авантюризм, а во-вторых, что эта цель не может быть *приемлемой*, кто бы ни претворял ее в жизнь. Ибо качество поведения тех или иных стран определяется не столько их доброй или недоброй природой, сколько тем, имеют ли они рядом с собой эффективную систему сдержек и противовесов или чувствуют, что отныне все позволено. Достаточно сравнить поведение США в то время, когда им противостоял грозный СССР, и теперь, когда им пока активно противостоять некому, чтобы убедиться в справедливости данного вывода.

Кстати, этот вывод вполне вписывается в парадигму либерального политического мышления, приучающего нас полагаться не на благие намерения правителей, а на надежные институциональные гарантии, связанные со сдержками и противовесами, избавляющими от возможного произвола власти. Не следует ли и к вырисовывающейся глобальной власти мирового гегемона отнестись с тех же позиций и задуматься о выстраивании соответствующей системы сдержек и противовесов, пока эта власть не успела обрести безгранично тоталитарный и абсолютно бесцеремонный характер.

Сегодня определились две позиции. Первая, компрадорская, состоит в том, что на вызов агрессора ответа не будет и модель однополярного мира реализуема. Вторая,

выражающая наше достоинство и нашу веру, состоит в том, что глобальный вызов не может не остаться без *глобального ответа*. Думается, эта позиция соответствует не только нашим патриотическим чаяниям, но и объективным историческим и геополитическим закономерностям: планета слишком велика, чтобы превратиться в протекторат одной державы, хотя бы очень амбициозной и могущественной. История свидетельствует, что в ответ на претензию гегемона неизменно складывалась коалиция более слабых государств для коллективного отпора ему.

В данном случае мой прогноз состоит в том, что в ответ на беспрецедентную угрозу евразийскому континенту со стороны заморской державы будет оформляться новое самосознание населения континента, необходимое для того, чтобы оно могло выступать не объектом чужой воли, а самостоятельным активным субъектом.

Хотелось бы внести необходимые уточнения в этот тезис. Говоря о Евразии как континенте, чаще всего имеют в виду геополитическую горизонталь, связывающую европейскую часть России с Сибирью, славянский мир - с тюркским. Надо сказать, в результате распада СССР и давления извне этот "горизонтальный" геополитический и межэтнический синтез в значительной мере подорван. Вероятнее всего, в будущем Евразии придется выстраивать свою континентальную идентичность уже не столько по указанной горизонтали (с которой была связана идеология евразийства), сколько по вертикали Север-Юг, т.е. Россия-Индия. На мой взгляд, этот проект, связывающий северную часть Евразии с южной, Северный Ледовитый океан с Индийским, в будущем станет интенсивно разрабатываться как альтернатива американскому натиску.

США вознамерились рассечь Евразийский континент по горизонтали, связав Атлантику с Тихим океаном в обход России (Ось Украина-Азербайджан-Узбекистан, ведущая через Китай к "новому Западу" - вестернизированным государствам Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). Чтобы не дать отрезкам этой рассекающей линии сомкнуться, необходимо прервать ее, выстроив *альтернативную вертикаль* Россия-Индия. Вступив в стратегический союз, эти страны смогут контролировать важнейший из коммуникационных узлов мира, связывающий Европейский Союз (ЕС) и АТР. Россия контролировала бы (пользуясь всеми вытекающими отсюда выгодами) коммуникационную линию Запад-АТР по Северному морскому пути и по сухопутному, составной частью которой является Байкало-Амурская магистраль. Индия доминировала бы на южном морском пути. Сама вертикаль Россия-Индия в будущем могла бы стать центром притяжения для множества новых и старых государств Евразии и основой новой идентичности Великого континента.

Обратимся теперь к следующему геостратегическому концепту, входящему в миростроительную доктрину США.

2. Постулат глобализации. Глобализация - один из главных лозунгов нового "великого учения", с помощью которого сверхдержава-гегемон намерена завоевывать умы. Под глобализацией имеется в виду переход от старой системы, представленной совокупностью независимых национальных государств, к новой, более напоминающей всемирное "открытое общество" без жестких границ и других барьеров. Идеология глобального "открытого общества" пришла как нельзя более кстати в период, когда США задумали построить свой однополярный мир и демонтировать препятствующие такому миру национальные суверенитеты. Претенденту на мировую гегемонию выгодно, чтобы его волюнтаристские намерения выглядели как "веление времени", которому нет альтернативы.

"Открытое общество" имеет свои прецеденты в политике фритредерства, проводимой Великобританией в эпоху, когда она была "мастерской мира". Логика понятна: более мощной и развитой державе выгодна политика "открытых дверей", посредством которой она способна разорить более слабую промышленность других стран и обеспечить себе монопольный статус.

Основная проблема глобализации связана с тем, что к новой системе "открытого", лишенного традиционных барьеров мира, различные народы и государства подошли не одинаково подготовленными, значительно различающимися по своему экономичес-

кому, военно-стратегическому и информационному потенциалу. Это еще один вызов современному миру. Столкновение более и менее развитых, более и менее защищенных стран в складывающемся открытом мировом пространстве чревато неожиданными коллизиями и потрясениями. Не случайно, что самыми последовательными адептами глобального мира, пропагандирующими идею единого открытого общества без барьеров и границ, сегодня выступают развитые и могущественные страны, усматривающие в ослаблении былых суверенитетов новой импульс для своей экономической, геополитической и социокультурной экспансии. Эти же страны тяготеют к социал-дарвинистской интерпретации мира как пространства "естественного отбора", призванного расширить границы обитания и возможности наиболее приспособленных за счет менее приспособленных, которым предстоит потесниться.

Концепцию глобального мира нельзя превращать в набор благозвучных метафор, затемняющих реальные противоречия глобализации. Теоретически это мир для всех, всечеловеческое достояние, путь обретения новых выгод от кооперации, интеграции, солидарности и сотрудничества. Но при ближайшем рассмотрении обнаруживается действие механизмов, работающих и в других направлениях.

Наиболее разительный пример - отношения Севера и Юга. Можно было бы предположить (и гуманистические презумпции как будто способствуют этому), что в глобальном мире достижения развитого Севера быстрее будут становиться достоянием отстающего Юга и былая разорванность планетарных полюсов станет сокращаться. Но если сопоставить эту идеальную гуманистическую модель с реальной "рыночной" моделью, то откроются иные тенденции. В модели открытого глобального мира действуют, как и в обычной рыночной системе, законы оптимизации, которые описывает новейшая концепция трансакционизма. Она предполагает, что в лишенной национальных протекционистских барьеров глобальной системе ресурсы все более свободно перемещаются от менее эффективных пользователей к более эффективным. Такими сегодня являются развитые страны, продемонстрировавшие на мировом конкурсном отборе наилучшие показатели капиталоемкости, рентабельности, энерго- и материалоемкости и т.п. Сегодня к этому добавляются не менее важные критерии экологичности производства.

В итоге формируется своеобразный эколого-экономический императив глобализма, который звучит примерно так: в условиях крайней дефицитности земных ресурсов правом на индустриализацию, урбанизацию и просвещение, на собственную перерабатывающую промышленность и обслуживающую ее современную инфраструктуру обладают не все народы, а лишь те, кто на открытом конкурсе всемирного рынка доказал свои преимущества - по критериям рентабельности, материалоемкости, экологичности и т.п. Остальным странам, вместо того, чтобы неразумно дублировать промышленность высокоразвитых стран и тем самым расточать дефицитные планетарные ресурсы, предстоит передоверить эту активность мировым "передовикам", а самим согласиться на роль поставщиков сырья и дешевой услуги.

Таким образом, индустриализация, урбанизация и просвещение из универсальных ценностей превращаются в *привилегию* избранных любимцев прогресса. Происходит невиданное прежде обесценение населения всей "мировой периферии" по сравнению с территорией, которую эта периферия занимает. Зреет неприятный вывод: необходима новая расчистка этих дефицитных территорий от всего того, что местное население успело на ней соорудить в ходе затратной, "нерациональной" индустриализации, урбанизации и милитаризации. А для того чтобы это население не сопротивлялось назревшему переделу ресурсов и территорий, его необходимо лишить средств сопротивления - национального суверенитета и других атрибутов былой самостоятельности.

США намерены использовать эту заинтересованность наиболее развитых стран в новом переделе мира, давая им понять, что американская геополитическая стратегия всего лишь обслуживает "процесс глобализации" путем предоставления военно-стратегического обеспечения. На самом деле экономическое перераспределение ресурсов в пользу развитых стран богатого Севера и геополитическое перераспределение власти

в пользу единственного гегемона - США отнюдь не во всем тождественны. Политический суверенитет имеет самостоятельное значение и поступиться им в пользу США для европейских стран - весьма ощутимая потеря, даже если ее "компенсировать" экономическими дивидендами глобализации. Объединенная Европа сегодня выстраивает свою идеологию в качестве самостоятельного субъекта глобальной политики. Новый военный поход США за мировое господство и однополярный мир означает, что европейцев хотят лишить чаемого статуса и построить в военную колонну, руководимую США. Поскольку такая перспектива вряд ли их устроит, можно предполагать, что у однополярного мира в будущем появится новый оппонент в лице объединенной Европы, способной в этом вопросе стать союзником борющейся за свою независимость Евразии.

3. Постулат вестернизации. Среди "тонких технологий" разрушения и деморализации противника важнейшее место занимают методы целенаправленного воздействия на ценностно-нормативное ядро культуры, являющееся основой устойчивой идентичности. Ядро культуры сочетает культурную память (заветы прошлого, гарантирующие непрерывность национальной истории), нравственные нормы и систему доминирующих ценностей, являющихся основой коллективного целеполагания и национальных проектов будущего. Захват "четвертой власти" — средств массовой информации (СМИ) - противником позволяет разрушать культурное ядро нации *изнутри*, систематически атакуя национальную традицию, нормы и ценности. Таковы цели проекта "модернизации сознания" и борьбы против традиционного менталитета, которая ведется "демократическими" СМИ. Но проблема вестернизации наряду с этими военно-экономическими аспектами, связанными с глобальным американским наступлением, имеет и более общий аспект, представляющий собой вызов культурному многообразию человечества со стороны западной массовой культуры.

Этому вызову способен противостоять лишь такой тип сознания, который усматривает в культурном многообразии человечества не только духовно-эстетическую ценность, но и источник спасительных *альтернатив*, затребованных человечеством в ситуации обнажившихся тупиков и "пределов" роста.

Вызов вестернизации связан с несколькими обстоятельствами. Во-первых, с тем, что западная культура, опираясь на достижения технической цивилизации, обрела колоссальные технико-информационные преимущества перед другими культурами, ориентированными на традиционные способы коммуникации. В результате возник феномен неэквивалентного информационного обмена между Западом и не-Западом, развитыми и развивающимися странами. Информационный поток, идущий с Севера на Юг и с Запада на Восток, оказался в несколько раз более мощным, чем встречные потоки социокультурной информации, отражающие культурную память и исторический опыт Востока и Юга.

Во-вторых, с тем, что западная культура по целому ряду критериев оказалась более приспособленной к современности и даже претендующей на то, чтобы "монополизировать современность", отлучив от нее всех тех, кто не соответствует известным эталонам эпохи модерна. Следует заметить, что эта претензия способна не только вызвать законный протест со стороны представителей других культур, но и сузить горизонт современной культуры до пределов потребностей "одномерного человека", о чем предупреждал Г. Маркузе. Будущее не является простой экстраполяцией сегодняшних тенденций и норм; поэтому может случиться так, что культурный опыт, сегодня признанный "несовременным", окажется в числе наиболее востребованных на новом витке исторического развития, условия которого непредсказуемы, если признать, что мы на самом деле живем в открытой истории, свободной от предписаний всезнающих "великих учений". Уже сегодня заметны проявления догматизма самоуверенной "современности", не склонной к творческой самокритике и приписывающей все изъяны нашего бытия давлению пресловутого традиционализма, но не собственной одномерности. На этой основе классическая временная триада прошлое-настоящее-будущее подменяется дихотомией традиционность-модерн, в

рамках которой качественно новое будущее "не предусматривается". Эта тенденция нашла отражение в мифе о "конце истории".

Одним из последствий неэквивалентного информационного обмена между Западом и не-Западом является опасность провинциализации самого Запада, теряющего способность воспринимать другие традиции и опыт и корректировать свое поведение на основе этого. Парадоксальная провинциализация мышления нынешнего социокультурного "авангарда" заслуживает особой озабоченности ввиду того, что этот авангард сегодня доминирует в принятии глобальных мироустроительных решений.

Слабая восприимчивость к инокультурным импульсам тормозит эффекты кибернетической "обратной связи", необходимой для коррекции монополюбно принимаемых решений.

На другой стороне (не-Западе) вызов вестернизации проявляется в опасностях ослабления идентичности, социокультурной дестабилизации и ценностной дезориентации. Вестернизация разрушает местные социокультурные синтезы и нормы, не сопровождаясь полноценным приобщением к нормам культуры-донора; в итоге растет число социокультурных маргиналов, пребывающих в своего рода "межцивилизационном пространстве", где любые культурные и нравственные нормы вообще не действуют. К социокультурным дисгармониям глобального мира относится также ускоренный обмен *антиценностями*. Одним из противоречий процесса глобализации является опережающая циркуляция худших образцов различных культур (в особенности культуры-донора, в силу ее влиятельности и престижности) по сравнению с обменом более рафинированным социокультурным опытом, требующим от реципиентов творческого напряжения и моральной дисциплины. Глобальный социокультурный обмен в целом ряде случаев выступает как "игра на понижение". Если вестернизацию истолковывать как эмансипаторский процесс "разрыва с традиционализмом", то надо учесть, что сегодня он имеет двойственную природу.

Антитрадиционализм может давать мобилизующий эффект, только если ослабление традиционного давления на личность воспринимается ею как источник новых созидательных и творческих возможностей. Он же может быть чреват эффектами демобилизации и деморализации, если демонтаж традиционных форм происходит в тлетворной атмосфере вседозволенности, где тон задает богема потребительского общества с ее сомнительными кумирами.

В последнем случае антитрадиционализм вместо приобщения к современной цивилизации порождает рецидивы варварства и дикости и расширяет пространство антицивилизации в современном мире.

4. Постулат либерализма. Может быть, ни в чем другом новая американско-центристская модель мира так не разоблачает себя, как в идеологии либерализма. Либерализм как апологетика "свободного рыночного отбора", свободного от государственных и иных внерыночных вмешательств, на наших глазах утрачивает черты научной теории и превращается в разновидность нового социал-дарвинизма: слабые и "неадаптированные" не имеют защиты; если свободный рынок забраковал их, то нет и не должно быть инстанции, способной их поддержать. Это наделение рынка статусом единственной инстанции, имеющей право определять, кто достоин существования на этой планете, а кто нет, представляет собой ревизию принципов и христианского, и просвещенческого гуманизма.

Либерализм превратился в идеологию, знаменующую реванш *контргуманизма* и *контрпросвещения* (ибо критерий рыночной рентабельности призван не только браковать неадекватное экономическое поведение, но и выносить свои вердикты науке, культуре и образованию, если они не готовы окупить себя в грубом финансовом смысле).

Либерализм легитимировал современный бунт беззастенчивой предпринимательской (в том числе спекулятивно-криминальной) среды против социальной цивилизации и всех ее институтов, связанных с защитой человеческих интересов и достоинства от посягательств патроната.

Европа, а вслед за нею и другие цивилизационные регионы потратили не один десяток лет для того, чтобы социализировать анархического индивидуалиста-буржуа, внушив ему недостающую социальную и моральную ответственность. В результате этих условий предприятия постепенно превращались из машины добывания денег в развитый социальный институт, где действовали профсоюзные, женские, молодежные и другие организации, призванные обеспечить социальные гарантии и защиту человеческого достоинства. Так параллельно стихийно формирующейся экономической цивилизации воздвигалось здание *социальной цивилизации*, автоматически не вытекающей из "законов рынка" и требующей особых усилий, связанных с социально-политическим творчеством.

Надо прямо сказать, что современная экономическая глобализация сопровождается настоящим бунтом предпринимательской среды против самих начал социальной цивилизации, утвердившейся в национальных формах социально ориентированной экономики и социального государства. Возникла угроза десоциализации предпринимательской среды, ее перехода на позиции социал-дарвинизма и идеологии естественного рыночного отбора, нетерпимой к социально незащищенным и "неадаптированным".

По сути, мы имеем дело с новым изданием человеконенавистнической идеологии, которая открыла своего "сверхчеловека" в лице ничем не стесненного "делателя денег", готового убирать с дороги (и с лица Земли) "неприспособленную туземную массу". Этот новый сверхчеловек "не имеет отечества" и ориентируется на глобальные центры принятия решений, а следовательно, опять-таки на Америку в первую очередь. США, таким образом, возглавляют планетарное наступление "либерального интернационала", объединяющего наиболее приспособленных, против "неприспособленного" большинства планеты, у которого отнимаются не только дежурные "права человека", но и само право на существование.

В свете всего сказанного открывается возможность нового подхода к оценке потенциала гегемонистской сверхдержавы. О его экономическом, научно-техническом и военно-стратегическом аспектах написано несчетное количество апологетических материалов. Но такая ориентированная в основном на экономику оценка, удовлетворяя установкам современного либерального мышления, вряд ли соответствует реальному историческому опыту и практике. Последние учат, что моральный потенциал - отнюдь не менее существенная составляющая, указывающая не только на духовные резервы данного политического субъекта, но и на его шансы обрести надежную поддержку и солидарность окружающего большинства.

Внимательный анализ тех концептов, при помощи которых сверхдержава-гегемон выстраивает свою позицию и свою новую идентичность в мире, показывает, что мы имеем все основания ожидать в ближайшем будущем мобилизации против самой могучей из держав воодушевляющего человечество духа тираноборчества и справедливости. Этот антиамериканский потенциал никем еще не подсчитан и не оценен по достоинству. Но он может стать фактором, способным решающим образом повлиять на конечный итог начавшейся мировой схватки.

Стратегия евразийского континентального ответа

Попытаемся определить несколько основных стратегических идей, которыми может вооружиться Евразия, осажденная новым претендентом на мировое господство. Под стратегическими идеями я в данном случае понимаю такие концепты, на основе которых Евразийский континент может обрести три необходимых свойства:

- общую идентичность, позволяющую ему выступить единым фронтом в минуту небывалых угроз и испытаний;
- совместный проект будущего, способный обеспечить мобилизацию всех сил и ресурсов;
- альтернативную планетарную идею, обращенную ко всему человечеству, которое предстоит отвоевать у презирающего его "гегемона".

1. Идея Великого Востока. Евразия, наученная горьким опытом "возвращения в европейский дом", может самоопределиться как Великий Восток. Этот способ идентификации практически неизбежен ввиду глобального вызова вестернизации, посягающего на исконную биполушарную (западно-восточную) структуру мира.

"Восточная идея", если ей в самом деле суждено сыграть свою роль в грядущей реструктуризации мира, должна открыть качественно новые возможности для Евразии. И в первую очередь это касается политического строительства в одном из решающих регионов мира - АТР. Именно политическая недоразвитость этого региона в сравнении с объединенной Европой (ЕС), атлантическим блоком НАТО или североамериканской НАФТА указывает на будущие "точки роста". Сегодня АТР явно стоит на перепутье между двумя идентичностями - "морской" (и даже "атлантической" из-за американского военно-политического протектората над Японией и Южной Кореей) и континентальной, между западничеством и "азиафильством". По причине этой неопределенности продолжается и грозит углубиться раскол АТР на две части: внутреннюю "атлантику", диссидентскую по отношению к древнейшей конфуцианско-буддистской традиции, и верный своим великим архетипам Восток.

Это крайне выгодно США, исповедующим в Евразии принцип "разделяй и властвуй", но это нельзя признать нормальным для народов, чувствующих за собой великую цивилизационную традицию и воодушевленных ею. Поэтому можно ожидать, что "восточная" идея для Евразии открывает возможность коренной реструктуризации АТР в антиатлантическом духе. Для этого, правда, требуется, чтобы Япония или объединенная Корея согласились держать мировой антиамериканский паритет наряду с Китаем (своего рода дальневосточный геостратегический дуализм), либо признали политическую гегемонию Китая, получив от него взамен гарантии полного уважения и взаимовыгодного разделения ролей.

"Восточная" идея необходима континенту и для того, чтобы предотвратить конфликт цивилизаций между конфуцианско-буддистским, индо-буддистским и мусульманским регионами Евразии. Здесь наиболее значимая "точка роста", возбужденная "восточной" идеей. Континенту необходима настоящая культурная революция, связанная с выработкой межцивилизационных универсалий, консолидирующих его великие цивилизационные миры в единую гибкую, но по-своему целостную (перед лицом внешних вызовов) систему.

Предстоит выработать великий симбиоз восточно-христианской (православной), индо-буддистской, конфуцианско-буддистской и мусульманской традиций. Процесс этот представляет не только геополитическую необходимость ввиду глобального вызова США, но и соответствует великим информационным сдвигам постиндустриальной эпохи.

Речь идет о *постэкономизме*, который уже нельзя понимать только в прежнем узкосоциологическом духе (как активизацию высших вторичных потребностей, связанных с качеством существования). Постэкономизм означает новые приоритеты земной цивилизации в целом, переакцентировку усилий человечества с инструментальной деятельности, связанной с присвоением богатств природы в угоду непрерывно растущим потребностям, на деятельность, связанную с поддержкой экологического, социокультурного и социально-политического равновесия мира.

Наконец, "восточная" идея обещает реализацию еще одного потенциала Евразии - ее культурного многообразия. Либерализм и иницируемая им вестернизация грозят истребить культурное многообразие планеты. От "западной" идеи сегодня исходят импульсы откровенной культурофобии и технобюрократической унификации мира. "Восточная" идея и в этом представляет собой мощную и вдохновляющую альтернативу. Восточный архетип, в отличие от западного, не предполагает культурной унификации. Не случайно даже самые свирепые деспотии Востока, подавляя в зародыше политический плюрализм, не посягали на плюрализм этнический и культурный.

Сегодня великие евразийские синтезы находятся под угрозой распада, идущего со стороны подогреваемого извне этносепаратизма. Только сформировав новый великий

суперэтнический синтез под эгидой большой "восточной" идеи, противостоящей всемирному западничеству, евразийский континент имеет шансы выступить в будущем как единый миросистемный субъект — носитель воскресшей биполярности.

2. Идея угнетенного Юга. Второй великой конструктивной идеей для Евразии может выступить идея Юга (в значении, определяемом сегодня дихотомией Север-Юг). Если "восточная" идея является культурологической по своему происхождению и стоит на страже культурного многообразия, то "южная" идея носит морально-политический характер, олицетворяя собой солидарность со всеми угнетенными народами "третьего мира". Словом, "южная" идея несет в себе потенциал социальной и моральной революции, связанной с защитой униженных и оскорбленных. Идея великого консолидированного Юга наследует множеству духовных течений, восходящих к традициям христианского и просвещенческого гуманизма, сегодня оказавшихся неустойчивыми и даже откровенно дискредитируемыми новым либеральным социал-дарвинизмом. Благодаря своей "южной" идее Евразийский континент способен перехватить у Запада гуманистические и социал-демократические инициативы прошлого, которые в свое время обеспечили ему идейное и культурное влияние во всем мире.

Солидаристская "южная" идея означает честный и прямой поворот к проблемам того маргинализованного большинства человечества, "внутреннего и внешнего пролетариата" (А. Тойнби) [5], судьбы которого, кажется, вовсе перестали волновать представителей "золотого миллиарда", не считая страха за сохранность своих привилегий.

3. "Индоевропейская" идея. Проработка этой идеи имеет первостепенное значение для континента (и для России в особенности), так как она способна вдохнуть силы в контрнаступление Евразии и заново отвоевать у атлантистов колеблющихся представителей великого межконтинентального пограничья - Центральную Европу во главе с Германией и новую Восточную Европу (таковой себя уже не считающую) во главе с Украиной. Индоевропеизм, или арийство - это идея "новых правых" на континенте, объединяющая антиамериканизм во Франции, Германии и потенциально на Украине. Сегодня украинские националисты ищут противовес американизму в Германии, сколачивающей свою большую "Центральную Европу".

Германо-центристский индоевропеизм сегодня надо признать малоперспективной идеей. Во-первых, потому, что Германия еще не готова дистанцироваться от США и предпочитает пользоваться плодами американской "победы" в "холодной войне", а не солидаризироваться с антиамериканской оппозицией на континенте. Во-вторых, потому, что германоцентристское арийство достаточно скомпрометировано нацизмом и способно отвергнуть всех благомыслящих политических активистов бывшего "второго мира". "Индоевропейская" идея только в том случае может избавиться от негативных ассоциаций, равно как и от европоцентристского провинциализма, если выйдет из вестернизированной геополитической горизонтали и войдет в ауру геополитической и духовной вертикали, поддерживаемой великими традициями России, Индии, Ирана. Роль последнего имеет особое значение по нескольким соображениям. В первую очередь это связано с проблемами мусульманского мира, на лидерство в котором претендуют старые соперники - Иран и Турция. Если бы мусульманский мир имел шансы на законченную внутреннюю консолидацию, он мог бы стать диссидентом Евразии, уязвимым для манипуляций со стороны США. Но давление древней персидской цивилизации, омусульманенной, но сохранившей многие из индоевропейских архетипов, препятствует такой консолидации и открывает возможность присоединения значительной части мусульманского мира к "индоевропейской" платформе.

Иран является естественным союзником России в борьбе с проводимой Турцией политикой пантюркизма, угрожающей сегодня не только геополитическим интересам России в постсоветском пространстве Средней Азии и Закавказья, но даже целостности самой Российской Федерации. Поэтому проработка "индоевропейской" идеи, безусловно, необходима России как для того, чтобы нейтрализовать экспансию Германии, так и для того, чтобы частично нейтрализовать, частично интегрировать правых националистов Украины.

"Индоевропейская" идея нужна России для того, чтобы на новой основе преодолеть национальный раскол на западников и почвенников и отвоевать для себя в будущем наследие петровской эпохи, сегодня захваченное и скомпрометированное "реформаторами".

Особенность российской судьбы и ее перспективы связаны с возможностью удерживать вместе и аккумулировать потенциал всех трех континентальных идей: "восточной", "южной" и "индоевропейской". Ибо Россия - это и великий мир *восточного* православного христианства, издавна противостоящего "латинской ереси", и великая *печальница* за *униженное и угнетенное большинство*, сегодня олицетворяемое бедным и теряющим надежду Югом, и *первопроходец модернизации* вне Запада, осваивавший достижения западного модерна раньше, чем это стали делать Турция, Япония и другие. "Индоевропейская" идея позволяет России реконструировать свой европеизм, свое петровское наследие таким образом, чтобы они снова обрели свой первоначальный смысл, заложенный великим основателем: помочь созиданию великой России - авангарда Евразии. Сегодня европейская идея стараниями плагиаторов американизма превращена в *компрадорскую*, враждебную и перспективам России, и ее государственной самостоятельности, и ее признанию в качестве объединителя и просветителя народов Северной Евразии.

Но «а этом основании вовсе хоронить европейское наследие в России - значит оставить втуне и предать забвению весь ее модернизационный потенциал, окончательно расколоть нацию и навсегда оттолкнуть те родственные народы, которые сегодня, после краха тоталитаризма, с надеждой смотрят на Европу. "Индоевропейская" идея для России означает перспективу интеграции и натурализации европеизированных элементов постсоветского пространства, превращения их из противников в союзников и соратников. Наконец, она дает в руки России могучее средство активной европейской политики. В той мере, в какой Европа верит в конструктивность индоевропеизма, она оказывается дистанцированной от Америки и вновь обретает чуть было не атрофировавшееся "континентальное чувство".

Германский индоевропеизм довоенного образца был отмечен печатью антигуманизма и агрессивного контрпросвещения. Поздний либеральный евро- и американоцентризм парадоксальным образом наследует эти черты, воюя с гуманизмом во имя естественного рыночного отбора и демонтируя на "периферии" мира инфраструктуры просвещения (науку, культуру и образование) во имя рыночной рентабельности. В этом контексте становится ясным, что "индоевропейская" идея, "интернированная" Россией, представляет не некий ослабленный вариант гуманизма и просвещения, а напротив, единственный на сегодня способ защитить их и реализовать замечательный мироустроительный потенциал.

Пора понять, что узколобые националисты постсоветского пространства, задумавшие придать своему "европеизму" антирусскую направленность, рискуют либо стать законченными компрадорами - пособниками Америки, либо вернуться к экстремистской версии германоцентристского индоевропеизма. Действительно, перспективная *консолидация* евразийского континента невозможна без самой активной роли возрожденной великой России; без такой консолидации осажденное большинство человечества рискует окончательно проиграть Четвертую мировую войну и тем самым похоронить будущее планеты Земля.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шлезингер А.М. Циклы американской истории. М., 1992.
2. Уткин А. "Новой" стратегии США уже 60 лет // Независимая газета. 1998. 9 декабря.
3. Бжезинский З. Геостратегия для Европы // Независимая газета. 1997. 24 октября.
4. Киссинджер Г. Дипломатия. М., 1997.
5. Тойнби А.Дж. Постигание истории. М., 1994.

© А. Панарин, 1999